

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-05>

УДК 82-31

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ И.А. ГОНЧАРОВА (ПО КНИГЕ «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»)

Е.И. Шевчугова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье описаны малоизученные в гончароведении «Сибирские главы» путешествия И.А. Гончарова. Цель статьи – реконструкция гончаровского образа Сибири.

Результаты исследования. Автор делает этнографические зарисовки, сосредоточивает внимание на языковых особенностях сибиряков, создает свой образ Сибири: подчеркивает качественное своеобразие территории, огромное пространство и протяженность и суровость климата, большой потенциал развития края. Создается яркий образ сибиряка-подвижника. Главы «Фрегата...», с одной стороны, включаются в традицию изображения образа Сибири русскими писателями, с другой – демонстрируют собственно авторские акценты.

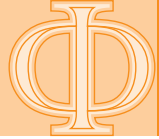
Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Фрегат „Паллада“», сибирский текст, Якутск, Иркутск, образ Сибири, климат, образ сибиряка, подвижничество, традиция.

Путешествие И.А. Гончарова, итогом которого явилась книга очерков, длилось более двух лет: 7 октября 1852 года экспедиция вышла из Кронштадта, возвращение писателя в Петербург состоялось 25 февраля 1855 года. Основные вехи обозначены так: 9 сентября 1854 года повествователь оказывается в Якутске (часть VII второго тома «Обратный путь через Сибирь»), в конце ноября отправляется из Якутска в Иркутск (части VIII «Из Якутска» и IX «До Иркутска»), который покидает в январе 1855 года. На этом оканчиваются и его заметки о Сибири. К «сибирским главам» примыкает очерк «По Восточной Сибири. В Якутске и в Иркутске», написанный в конце 1870-х годов, более чем через 30 лет после возвращения. Принципиальное его отличие от основной книги не только в присутствии ему дискурса воспоминания (два тома «Фрегата...» писались во время путешествия), но и в изменении главного объекта повествования: автор сосредоточен на описании людей, тогда как в основном томе – на самом путешествии, дороге, быте сибиряков и коренных жителей тех мест.

Постановка проблемы. «Сибирским главам» в книге отводится всего около ста страниц: вероятно, сказываются усталость путешественника, насыщенность впечатлениями, сложность почтового сообщения. Меняется и характер передвижения: от дальнего плавания, которое продолжается уже без малого два года, повествователь чувствует потребность «полечиться берегом» – так начинается его долгий путь через Сибирь. Гончаров сравнивает пеший путь с морским, и это сравнение оказывается не в пользу первого: «Да, это путешествие не похоже уже на роскошное плавание на фрегате: спишь одетый, на чемоданах; ремни вреза-

лись в бока, кутаешься в пальто: стенки нашей каюты выстроены, как балаган; щели в палец; ветер сквозит и свищет – все а jouir, а слава Богу, ничего: могло бы быть и хуже» [Гончаров, 1997, с. 652]. Неоднократно писатель, славившийся привычкой к комфорту, обращает внимание на разницу в отношении к природным и бытовым неудобствам в Петербурге и в путешествии: «Как бы, кажется, около половины сентября лечь раздетому спать на дворе, без опасности простудиться насмерть? Ведь березовая кора не бог знает какие стены. В Петербурге сделаешь это и непременно простудишься, в Москве реже, а еще далее, и особенно в поле, в хижине, кажется, никогда» [Гончаров, 1997, с. 669]. Примечательно в этом отношении замечание В.А. Туниманова: «Переход от сорокаградусной жары к сорокаградусным морозам автор перенес неожиданно легко; быстро свыкся он и со специфическими особенностями многомесячного странствия по Сибири, которая произвела на него не менее сильное впечатление, чем диковинные заморские чудеса» [Туниманов, 1998, с. 498].

Обзор научной литературы. При всей значительности гончаровской библиографии в целом и исследований «Фрегата...» в частности анализу «сибирских глав» уделяется значительно меньше внимания, чем «экзотическим» африканским, китайским, японским и др. частям книги очерков. Например, в известной биографии Гончарова из серии «ЖЗЛ» Ю.М. Лощица на нескольких страницах говорится о сибирской части путешествия, но в центре рассмотрения не образ Сибири, созданный писателем, а то, какими трудами он преодолевал последнюю часть пути (Лощиц Ю.М. Гончаров. М., 2004. С. 122). В.А. Котельников вообще считает, что протянувшееся на тысячи верст возвращение автора через всю Сибирь сопровождалось «заурядным – сравнительно с морской частью путешествия – процессом обыденного знакомства с климатом, рельефом, растительностью, населением, административным устройством северной Азии». И дело не в однообразии и бедности тех суровых мест, – продолжает ученый и вспоминает о ярчайших впечатлениях В.Г. Короленко, который побывал в Сибири примерно в то же время, а в особой миропознавательной и повествовательной интенциях Гончарова [Sub..., 2008, с. 514–531, 521–522]. В одной из самых новых монографий – книге В.И. Мельника «Гончаров» (2012) – справедливо указывается, что писателя Сибирь поразила своими масштабами, широкими нравами и подбором людей, свободных, энергичных, предприимчивых, волевых, с независимым характером – и все это во многом благодаря отсутствию крепостного права, а также культурной миссии русских подвижников. На деятельности миссионеров, особенно святителя Иннокентия, автор исследования и сосредоточивается [Мельник, 2012, с. 173]. Хотя скудость библиографии по «сибирским главам» «Фрегата...» и кажется закономерной в силу удаленности самого предмета изображения – Сибири – от центров изучения творчества писателя, но значимость этой части книги признается безусловно. Так, В.А. Туниманов характеризует «сибирские главы» как динамичные и концептуальные, в своем роде не менее поэтические, чем морские [Туниманов, 1998, с. 495]. А Е.А. Краснощекова, в монографии

которой гончаровской Сибири уделяется специальное место (и это почти единственный пример такого внимания к «сибирским главам»), считает, что здесь писатель создает некую утопию, проект будущего, молодой России, которую можно противопоставить как излишне рациональному Западу, так и отставшей по многим параметрам Европейской России [Краснощекова, 1997, с. 209].

Предчувствуя встречу с сибирской землей, Гончаров пишет: «...мне лежит путь через Сибирь, путь широкий, безопасный, удобный, но долгий, долгий! И притом Сибирь гостеприимна, Сибирь замечательна» [Гончаров, 1997, с. 627]. В ранних редакциях далее следовало уточнение: «стоит внимания и изучения»¹. Во многом реальные впечатления совпадут с ожиданиями и, конечно, обогатятся. В августе 1854 года остается всего 500 верст до Аяна, первого пристанища на берегах Сибири. Знакомство с краем открывается встречей на манчжурском берегу с мангунами, ороча, или, по-сибирски, тунгусами. Строго говоря, на современной карте России – это Дальний Восток, еще не Сибирь, а для повествователя-путешественника – это долгие подступы к ней.

На протяжении всех «сибирских глав» рассказчик обращает внимание на **языковые черты** тех, кого он встречает на своем пути. Это продолжение тенденции, принятой автором во время путешествия. Так, говоря об охоте на лосей, он уточняет: «или *сохатых*, по-сибирски» [Гончаров, 1997, с. 626]², как раньше упоминал запомнившиеся слова и выражения африканских племен, корейцев, японцев и пр. Указывает автор и на другие лексические особенности: «Надо знать, что здесь делают большое употребление или, вернее, злоупотребление из однако, как я заметил» [Гончаров, 1997, с. 662]. Находим и описания некоторых черт языковой картины мира местного населения: «Например, у якутов нет слова *плод*, потому что не существует понятия. Под здешним небом не родится ни одного плода, даже дикого яблока: нечего было и назвать этим именем. Есть рябина, брусника, дикая смородина, или, по-здешнему, *кислица*, морошка – но то ягоды» [Гончаров, 1997, с. 689]. Обращают на себя внимание путешественника фонетические и грамматические особенности местных говоров: «Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то падеж впереди имени, то притяжательное местоимение слито с именем и т.п. И все это преодолено!» [Гончаров, 1997, с. 690].

Наибольший интерес представляет **образ Сибири**, созданный Гончаровым. Обозначим ключевые составляющие. Во-первых, это **качественное своеобразие** Сибири по сравнению с Европейской Россией, повествователь дает ей особое наименование – сибирская Русь: «Нужды нет, что якуты населяют город, а все же мне стало отрадно, когда я въехал в кучу почерневших от времени, одно-

¹ Книга очерков «Фрегат „Паллада“» выдержала 5 прижизненных изданий, до этого публиковалась частями в журналах. Писатель при подготовке каждого следующего издания вносил ряд изменений [Пинженина, 2011, гл. 1, § 2].

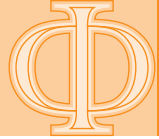
² Подобные примеры можно множить: «вьюга, или, по-здешнему, *пурга*» [Гончаров, 1997, с. 650]; «...снег глубокий, бежать вязко, или, по-здешнему, *убродно*» (с. 700); «от дыхания шарф *закуржавевает* и примерзнет к лицу» [Гончаров, 1998, с. 320] и т.д.

этажных, деревянных домов: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах, обычаях, отчасти, как вы видите, в языке, что и образует ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономию» [Гончаров, 1997, с. 673]. Причем в ранних редакциях (1858 и 1962) этот пассаж был гораздо объемнее и лиричнее: «Взгляните на усеянные мшистыми кочками необозримые пространства тундр, или на дикие и угрюмые, без растительности, горы, с нетающим снегом в трещинах, на реку, которая повезет вас на своих водах не одну тысячу верст, на дикий, сбившийся в непроницаемую чащу, на тысячу же верст, сосняк, ельник и исполинскую лиственницу; увидите иногда зимой пылающее в ослепительном кроваво-розовом пожаре полночное небо и тут же у кого-нибудь, может быть у себя, побелевший, как снег, нос и замерзающее, при сорокаградусном благорастворении воздуха, дыхание; а летом не увидите ни яблока, ни вишни. Вы скажете – это Сибирь <...> которую ее разумные обитатели нарекли *матушкой*, как мы, зауральские жители, нарекли Русь, Москву и Волгу! Вглядитесь в эту матушку, и вы увидите, что она имеет особенную физиономию» [Гончаров, 1998, с. 316–317]. Судя по всему, в целях сокращения текста Гончаров делает фрагмент короче и суше, хотя это было самое эмоционально насыщенное описание Сибири во всей книге.

В.А. Котельников справедливо отмечает, что «интимные эмоциональные вспышки» писатель пытается замаскировать, однако не всегда успешно [Sub..., 2008, с. 529]. Путешественник радуется, когда по мере приближения к Европейской России картина меняется, сохраняя при этом своеобразие: «Слава Богу! все стало походить на Россию: являются частые селения, деревеньки, Лена течет излучинами, и ямщики, чтоб не огибать их, едут через мыски и займки, как называют небольшие слободки. В деревнях по улице бродят лошади: они или заигрывают с нашими лошадьми, или, испуганные звуком колокольчиков, мчатся что есть мочи, вместе с рыжим поросенком, в сторону. Летают воробьи и грачи, поют петухи, мальчишки свищут, машут на проезжающую тройку, и дым столбом идет вертикально из множества труб – дым отечества! Всем знакомые картины Руси! Недостает только помещичьего дома, лакея, открывающего ставни, да сонного барина в окне... Этого никогда не было в Сибири, и это, то есть отсутствие следов крепостного права, составляет самую заметную черту ее физиономии» [Гончаров, 1997, с. 709–710].

Второй определяющей особенностью сибирского края становится **огромное пространство**, его **протяженность**. VII часть второго тома книги очерков, озаглавленная «Обратный путь через Сибирь», начинается с прибытия команды в порт Аян, повествователь уточняет, что до Петербурга, а значит, до дома, остается 10 500 верст. Автор объясняет: сначала ехать 200 верст верхом, затем 600 верст по речке Мая, потом еще 400 до Якутска, Леной 3000 верст до Иркутска, затем еще 6000 от Иркутска до Петербурга. Немыслимое расстояние по тем временам: от Петербурга до Москвы немногим более 600 верст.

Эмоциональная доминанта описаний может быть как положительной, близкой к удивлению, восхищению просторами: «На Каменской станции оканчива-

ется Якутская область, начинающаяся у Охотского моря, – это две тысячи верст: до Иркутска столько же остается – что за расстояния! Какой детской игрушкой покажутся нам после этого поездки по Европейской России!» [Гончаров, 1997, с. 704]; так и ироничной: «Что толку, – пишет повествователь, – что Сибирь не остров, что там есть города и цивилизация? да до них две, три или пять тысяч верст!» [Гончаров, 1997, с. 634]. Или замечает: «Двести верст – небольшая станция!» [Гончаров, 1997, с. 686].

При всем том именно в Сибири чувствуешь себя путешественником в исконном смысле этого слова, – полагает писатель: «„Свет мал, а Россия велика“, – говорит один из моих спутников, пришедший также кругом света в Сибирь. Правда. Между тем приезжайте из России в Берлин, вас сейчас произведут в путешественники: а здесь изъездите пространство втрое больше Европы, и вы все-таки будете только проезжий. В России нет путешественников, все проезжие, несмотря на то что теперь именно это стало наоборот. Разве по железным дорогам путешествуют? Они выдуманы затем, чтоб „проезжать“ пространства, не замечая их. Теперь я вижу, что у нас, в этих отдаленных уголках, только еще и можно путешествовать, в старинном, занимательном смысле слова, с лишениями, трудностями, с запасом чуть не на год провизии, с перинами и самоварами. Да и то, благодаря здешнему начальству, исчезает понемногу. И здесь заводятся удобства: того и гляди скоро не дадут выспаться на снегу и в поварни приставят поваров – беда: совсем истребится порода путешественников!» [Гончаров, 1997, с. 696–697].

Дополняет характеристику Сибири **образ пустыни**, который устойчиво присутствует на страницах книги очерков: «Пустыни, пустыни и пустыни, девственные, если хотите, но скучные и унылые» [Гончаров, 1997, с. 642]. Чаще всего в восприятии путешественника сибирская пустыня печальная или просто скучная, что подчеркивается повторами или игрой слов: «...сам уселся на берегу на медвежьих шкурах. Нельзя сказать, чтоб было весело. Трудно выдумать печальнее местности. С одной стороны Лена – я уж сказал какая – пески, кусты и луга, с другой, к Якутску, – луга, кусты и пески» [Гончаров, 1997, с. 671]³.

Образ пустыни поддерживается описаниями **суровой природы** Сибири. Так, в ранних редакциях был позднее изъятый пассаж: «Что за край! Зимой льды и холод, летом туманы и холод, хотя и не такой, как зимой, однако ж вот теперь 14 июня, день жаркий, а к вечеру надо одеваться в байковое пальто» [Гончаров, 1998, с. 310]. Тем не менее и здесь писатель находит возможность для поэтических впечатлений: «И какое здесь прекрасное небо, даром что якутское: чистое, с радужными оттенками!» [Гончаров, 1997, с. 669]. А описание сибирского леса в пустыне В. А. Туниманов называет «романтической» фантазией Гончарова: «Я сейчас из леса: как он хорош, осыпанный, обремененный снегом! Столетние сосны, ели, лиственницы толпятся группами или разбросаны врозь. Возшел моло-

³ О том же: «Не забудьте, все это в краю, который слывет безымянной пустыней! Он – пустыня и есть. Не раз содрогнешься, глядя на дикие громады гор без растительности, с ледяными вершинами, с лежащим во все лето снегом во впадинах, или на эти леса, которые растут тесно, как тростник, деревья жмутся друг к другу, высасывают из земли скудные соки и падают сами от избытка сил и недостатка почвы». [Гончаров, 1997, с. 681].

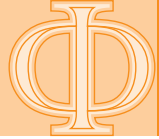
дой месяц и осветил лес, чего тут нет? Какой разгул для фантазии: то будто женщина стоит на коленях, окруженная малютками, и о чем-то умоляет: все это деревья и кусты с нависшим снегом; то будто танцующие фигуры; то медведь на задних лапах; а мертвецов какая пропасть!» [Гончаров, 1997, с. 705].

Пустыня постепенно «наполняется» по мере приближения к относительно крупным населенным пунктам: «Печальный, пустынный и скудный край! Как ни пробуют, хлеб все плохо родится. Дальше, к Якутску, говорят, лучше: и население гуще, и хлеб богаче, порядка и труда больше» [Гончаров, 1997, с. 651]. И действительно, спускаясь по реке Мае, автор замечает, что переселенцы все более хвалят свое житье-бытье [Гончаров, 1997, с. 653]. «Еду я все еще по пустыне и долго буду ехать: дни, недели, почти месяцы. Это не поездка, не путешествие, это особая жизнь: так длинен этот путь, так однообразно тянутся дни за днями, мелькают станции за станциями, стелются бесконечные снежные поля, идут по сторонам Лены высокие горы с красивым лиственничным лесом.

Еще однообразнее всего этого лежит глубокая ночь две трети суток над этими пустынями» [Гончаров, 1997, с. 699–700].

В таком пространстве обретается **иной** по сравнению с европейской частью России **человек**: «Вы, конечно, не удивляетесь, что я не говорю ни о каких встречах по дороге? Здесь никто не живет, начиная от Ледовитого моря до китайских границ, кроме кочевых тунгус, разбросанных кое-где на этих огромных пространствах. Даже птицы, и те мимоходом здесь» [Гончаров, 1997, с. 644]. И человек ощущает себя другим: «Тоска сжимает сердце, когда проезжаешь эти немые пустыни <...> Выработанному человеку в этих невыработанных пустынях пока делать нечего. Надо быть отчаянным поэтом, чтоб на тысячах верст наслаждаться величием пустынного и скукой собственного молчания, или дикарем, чтоб считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшение своего жилища, медведей – за товарищей, а дичь – за провизию» [Гончаров, 1997, с. 645].

Именно в сибиряке, человеке, который еще только «вырабатывается», – полагает писатель, – заложен **потенциал развития** Сибири. Размышления о судьбе Сибирского края сформулированы в публицистических отступлениях. Доминанты здесь: величие, скорое пробуждение, необходимость титанической работы: «Несмотря, однако ж, на продолжительность зимы, на лютость стужи, как все шевелится здесь, в краю! Я теперь живой, заезжий свидетель того химически-исторического процесса, в котором пустыни превращаются в жилые места, дикари возводятся в чин человека, религия и цивилизация борются с дикостью и вызывают к жизни спящие силы. Изменяется вид и форма самой почвы, смягчается стужа, из земли извлекается теплота и растительность <...> Кто же, спросят, этот титан, который ворочает и сушей и водой? кто меняет почву и климат? Титанов много, целый легион; и все тут замешаны, в этой лаборатории: дворяне, духовные, купцы, поселяне – все призваны к труду и работают неутомимо <...> А создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом...» [Гончаров, 1997, с. 677–678].

Как много уже сделано, – восхищается повествователь, – через преодоление, чаще всего вопреки, а не благодаря обстоятельствам, природным особенностям. Обращаясь в письме к Аполлону Николаевичу Майкову, Гончаров отмечает характерную особенность – соединение дикого и освоенного, опасного и вполне комфортного: «...подвиги, совершаемые в здешнем краю, о котором свежи еще в памяти у нас мрачные предания как о стране разбоев, лихоимства, безнаказанных преступлений? А вот вы едете от Охотского моря, как ехал я, по таким местам, которые еще ждут имен в наших географиях, да и весь край этот не все у нас, в Европе, назовут по имени и не все знают его пределы и жителей, реки, горы; а вы едете по нем и видите поверстные столбы, мосты, из которых один тянется на тысячу шагов. Конечно, он сколочен из бревен, но вы едете по нем через непроходимое болото. Приезжаете на станцию, конечно в плохую юрту, но под кров, греетесь у очага, находите летом лошадей, зимой оленей и смело углубляетесь, вслед за якутом, в дикую, непроницаемую чащу леса, едете по руслу рек, горных потоков, у подошвы гор или взбираетесь на утесы по протоптаным и – увы! где романтизм? – безопасным тропинкам. Вам не дадут ни упасть, ни утонуть, разве только сами непременно того захотите...» [Гончаров, 1997, с. 680].

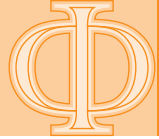
Многое в Сибири путешественник рассматривает через оппозицию «свое – чужое» или «русское – нерусское», причем первое явно со временем начинает преобладать: «Много русского и нерусского, что со временем будет тоже русское» [Гончаров, 1997, с. 674]. Особенно это становится заметно при взаимодействии русских и местного населения. Любопытен эпизод, в котором рассказывается об употреблении якутского языка: повествователя удивляет обычай русских якутов (есть еще якутские якуты) говорить между собой по-якутски. Сначала он обнаруживает эту особенность в общении отца с дочерью Матреной (оба русские): «Ох, еще сильна у нас страсть к иностранному: не по-французски, не по-английски, так хоть по-якутски пусть дети говорят!» [Гончаров, 1997, с. 659]. Затем в общении братьев, тоже русских. Поселенцы поясняют: «Обычай такой...» [Гончаров, 1997, с. 662]. «Сами якуты, затрудняясь названием многих занесенных русскими предметов, называют их русскими именами, которые и вошли навсегда в состав якутского языка. Так, хлеб они и называют хлеб, потому что русские научили их есть хлеб, и много других, подобных тому» [Гончаров, 1997, с. 689]. Уделяет внимание автор **этнографическим зарисовкам**, описывая и русских и якутов. Например, о семье русских в Семи Протоках (недалеко от Аяна) пишет: «Мы вошли в их бедную избу, пили чай и слушали рассказы о трудностях и недостатках, с какими, впрочем, неизбежно сопряжено первоначальное водворение в новом краю. В избе и около избы толпились ребятишки с голыми ногами, грудью и даже с голым брюхом. Мы дали им две рубашки, и мальчишки с гордостью и радостью надели их. Благодарностям не было конца» [Гончаров, 1997, с. 650]. При этом уровень жизни не зависит от национальной принадлежности, скорее это следствие жизни в скудном и тяжелом для хозяйствования краю, поскольку ту же бедность видим и в семьях якутов: «Якуты – народ с широкими скулами,

с маленькими глазами, таким же носом; бороду выщипывает; смуглый и с черными волосами. Они, должно быть, южного происхождения и родня каким-нибудь манчжурам. Все они христиане, у всех медные кресты; все молятся; но говорят про них, что они не соблюдают постановлений церкви, то есть постов. Да и трудно соблюдать, когда нечего есть. Они едят что попало, белок, конину и всякую дрянь; выпрашивают также у русских хлеба» [Гончаров, 1997, с. 651].

Всего в Аяне, – пишет Гончаров, – обретается около 200 жителей: чиновники с семьями, казаки, состоящие на военной службе, и якуты на службе штатской. Конечно, именно якуты привлекают внимание рассказчика: «Якуты все оседлые и христиане, все одеты чисто и, сообразно климату, хорошо. И мужчины и женщины носят фризвые капоты, а зимой – олений или нерпичий мех, вывороченный наизнанку. От русских у них есть всегда работа, следовательно, они сыты, и притом, я видел, с ними обращаются ласково» [Гончаров, 1997, с. 633]. При этом все равно автор замечает: дико, бедно, хотя по-своему опрятно [Гончаров, 1997, с. 657]. Гончаров констатирует: «Две якутки хлопчут около какой-то кастрюли. По платью их не отличишь от мужчин, только и можно узнать по серьгам» [Гончаров, 1997, с. 658]. Вообще, якутка описывается как «какое-то существо, всего меньше похожее на женщину» [Гончаров, 1997, с. 659]. В ранних редакциях далее следовал нелестный комментарий: «похожее больше на поставленную на задние ноги корову» [Гончаров, 1998, с. 315], который снимается автором при переработке текста. Замечает он и следующее: «Видел якутку, одну, наконец, хорошенькую и, конечно, кокетку» [Гончаров, 1997, с. 663].

Хотя повествователь далек от иллюзий насчет воспитания «младенцев человечества» и пишет, что «...якуты теперь едят хлеб, а не кору, носят русское сукно, а не сырую звериную кожу! Дикие добродетели, простота нравов – какие сокровища: есть о чем вздохнуть! Говорят, дикари не пьют, не воруют – да, пока нечего пить и воровать; не лгут – потому что нет надобности. Хорошо, но ведь оставаться в диком состоянии нельзя. Просвещение, как пожар, охватывает весь земной шар» [Гончаров, 1997, с. 695], но миссию русских священников и чиновников видит в **просвещении** дикого края. С большим уважением описывает автор деятельность священника Запольского, который воспринимает путь в двести три тысячи верст к подопечным как нормальную привычную для себя работу: «...ведь я не первый: там, верно, кто-нибудь бывал: в Сибири нет места, где бы не были русские». Замечательные слова!» [Гончаров, 1997, с. 687]. При этом, по замечанию В.А. Туниманова, Гончаров противопоставляет «русский цивилизаторский путь европейскому и американскому как более осторожный, предполагающий мирное и постепенное приобщение народов Сибири к условиям новой жизни, к успехам современного прогресса» [Гончаров, 1998, с. 520]⁴. Добавляя к этому бескорыстие цивилизаторской миссии России, писатель восхищается русскими подвижниками: для них – это обычный труд из гуманных просветительских

⁴ О том, что Сибирь увидена Гончаровым в масштабном контексте всемирного движения к «цивилизации», рассуждает В.И. Мельник [Мельник, 2012, с. 172].

целей, а не ради выгоды [Гончаров, 1998, с. 520, 522]. Специально подчеркивает повествователь отсутствие материального интереса миссионеров: «Чукчи остаются до сих пор еще в диком состоянии, упорно держатся в своих тундрах и нередко гибнут от голода, по недостатку рыбы или зверей. Завидная добыча, нечего сказать! Зачем же посылать к ним? А затем, чтоб вывести их из дикости и заставить жить по-человечески, и все даром, бескорыстно: с них взять нечего.

Чукчи держат себя поодаль от наших поселенцев, полагая, что русские придут и перережут их, а русские думают – и гораздо с большим основанием, – что их перережут чукчи. От этого происходит то, что те и другие избегают друг друга, хотя живут рядом, не оказывают взаимной помощи в нужде во время голода, не торгуют и того гляди еще подерутся между собой» [Гончаров, 1997, с. 691–692]. Подлинным титаном считает автор архиепископа Иннокентия [Краснощекова, 1997, с. 215]. Именно описанная Гончаровым миссионерская деятельность просветителей позволяет Е.А. Краснощековой назвать сибирскую Русь «Россия молодая», где цивилизаторы создают «просветленное бытие» через распространение христианской веры и разумной политики местных властей [Краснощекова, 1997, с. 211].

Повествователь **предчувствует изменения**, должны произойти в этом пока диком краю: «...якуты робки и послушны <...> Подъезжаете ли вы к глубокому и вязкому болоту, якут соскакивает с лошади, уходит выше колена в грязь и ведет вашу лошадь – где суше; едете ли лесом, он – впереди, устраняет от вас сучья; при подъеме на крутую гору опоясывает вас кушаком и помогает идти; где очень дурно, глубоко, скользко – он останавливается. „Худо тут, – говорит он, – пешком надо“, вынимает нож, срезывает палку и подает вам, не зная еще, дадите ли вы ему на водку или нет. Это якут, недавно еще получеловек-полузверь!» [Гончаров, 1997, с. 680–681].

В VIII главе II тома, озаглавленной «Из Якутска», представляют интерес впечатления писателя от самого города: здесь 2700 жителей, «Якутск построен на огромной отмели, что видно по пространным пескам, кустам и озерам. И теперь, во время разлива, Лена, говорят, доходит до города и заливают отчасти окрестные поля.

От нечего делать я развлекал себя мыслью, что увижу наконец, после двухлетних странствий, первый русский, хотя и провинциальный, город. Но и то не совсем русский, хотя в нем и русские храмы, русские дома, русские чиновники и купцы, но зато как голо все! Где это видано на Руси, чтоб не было ни одного садика и палисадника, чтоб зелень, если не яблонь и груш, так хоть берез и акаций, не осеняла домов и заборов? А этот узкоглазый, плосконосый народ разве русский? Когда я ехал по дороге к городу, мне попадались навстречу якуты, якутки на волах, на лошадях, в телегах и верхом.

Городские якуты одеты понаряднее. У мужчин грубого сукна кафтан, у женщин тоже, но у последних полы и подол обшиты широкой красной тесьмой; на голове у тех и у других высокие меховые шапки, несмотря на прекрасную, даже

жаркую, погоду⁵. Якуты стригутся, как мы, оставляя сзади за ушами две тонкие пряди длинных волос, – вероятно, последний, отдаленный намек на свои родственные связи с той тесной толпой народа, которая из Средней Азии разбреглась до берегов Восточного океана. Я в этих прядях видел сокращение китайской косы, которую китайцам навязали манчжуры. А может быть, якуты отпускают сзади волосы подлиннее просто затем, чтоб защитить уши и затылок от жестокой зимней стужи» [Гончаров, 1997, с. 671–672].

Несколько примечательных эпизодов «сибирских глав» посвящены **проблеме выпивки**. Так, тунгус, прозванный моряками с фрегата Афонькой, подрабатывает то проводником, то охотником. На вопрос, чего хочешь за труды, отвечает – бутылочку [Гончаров, 1997, с. 626]. И медвежью шкуру добывает по тому же тарифу: «за бутылочку». И к команде старается выходить во время раздачи вина. Хотя нельзя сказать, что проблема носит массовый характер. Гончаров специально говорит об отсутствии вина: «А вина нет нигде на расстоянии тысячи двухсот верст. Там, где край тесно населен, где народ обуздывается от порока отношениями подчиненности, строгостью общего мнения и добрыми примерами, там свободное употребление вина не испортит большинства в народе. А здесь – в этом молодом крае, где все меры и действия правительства клонятся к тому, чтобы с огромным русским семейством слить горсть иноплеменных детей, диких младенцев человечества, для которых пока правильный, систематический труд – мучительная, лишняя новизна, которые требуют осторожного и постепенного воспитания, – здесь вино погубило бы эту горсть, как оно погубило диких в Америке» [Гончаров, 1997, с. 685].

«Я выше сказал, что от Якутска до Охотского моря нет вина; против тайного провоза его приняты очень строгие меры. Если зло затем и прокрадется, так в такой незначительной степени, что оно уже не составит общей гибели» [Гончаров, 1997, с. 695]. Вероятно, именно такое впечатление хотел создать у читателя автор, либо не зная о многочисленных нарушениях закона, либо сознательно их редуцируя с целью создания целостной картины. В Примечаниях к «Фрегату...» по этому поводу специально указано, что запреты на ввоз и торговлю вином постоянно нарушались и контрабанда спирта в Восточной Сибири к середине XIX века приобрела широкий размах [Гончаров, 1998, с. 760]. Но даже употребление вина здесь имеет особенности, обусловленные отдаленностью края. Гончаров рассказывает, что у И.И. Андреева состоялся прощальный обед в честь писателя: «Не было забыто и „холодненькое“ (шампанское) из-за хребта. Оно там стоило семь рублей бутылка – это правда; но там нет ни театров, ни других увеселительных мест, ни тех дам... которые стоят мужчинам больших расходов, так что денег было тратить некуда» [Гончаров, 1998, с. 72].

Главы «Фрегата „Паллады“» насыщены картинами экзотических мест, впечатлениями от природы Манилы, Явы, Африки, Японии и т.д. На этом фоне описания природы Сибири довольно скудны и однообразны. Рассказывая о Якут-

⁵ В ранних редакциях следовало: «Если станет очень жарко, якут снимает шапку и подставляет голову под солнце» [Гончаров, 1998, с. 316].

ске, повествователь прямо заявляет: «Правду сказать, и нечего описывать. Природа... можно сказать – никакой природы там нет. Вся она обозначена в семи следующих стихах, которыми начинается известная поэма Рылеева „Войнаровский“:

На берегу широкой Лены
 Чернеет длинный ряд домов
 И юрт бревенчатые стены.
 Кругом сосновый частокол
 Поднялся из снегов глубоких,
 И с гордостью на дикий дол
 Глядят верхи церквей высоких» [Гончаров, 1998, с. 55].

На фоне скудной природы художественным контрастом выделяются люди, с которыми знакомится Гончаров во время своего странствования по Сибири: «Сколько холодна и сурова природа, столько же добры и мягки там люди. Меня охватили ласка, радушие, желание каждого жителя наперерыв быть чем-нибудь приятным, любезным» [Гончаров, 1998, с. 56]. Даже спустя 30 лет после возвращения из путешествия писатель вспоминает радушие местных жителей: «В самом деле, сибирские природные жители добрые люди. Сперанский будто бы говорил, что там и медведи добрее уральских, то есть европейских. Не знаю, как медведи, а люди в самом деле добрые.

Я в день, в два перезнакомился со всеми жителями, то есть с обществом, и в первый раз увидел настоящих сибиряков в их собственном гнезде: в Сибири родившихся и никогда ни за Уральским хребтом с одной стороны, ни за морем с другой – не бывших. Петербург, Москва и Европа были им известны по слухам от приезжих „сверху“ чиновников, торговцев и другого люда, как Америка, Восточный и Южный океаны с островами известны были им от наших моряков, возвращавшихся Сибирью или „берегом“ (как говорят моряки) домой, „за хребет“, то есть в Европу» [Гончаров, 1998, с. 57]. Оригинальность, своеобразие, достоинство, независимость, неопиcуемый, но четко улавливаемый «шик» – так Гончаров характеризует своих сибирских знакомых: например, вспоминает, что Иван Иванович Андреев «вошел в комнату своеобразно, свободно, с шиком, свойственным сибирякам» [Гончаров, 1998, с. 64]. Встречается более общее заключение, относящееся уже не к единичному знакомому, а к сибирякам в целом: «Все это составляло сибирскую буржуазию, там на месте урожденную, выросшую и созревшую, или, скорее, застывшую в своих природных формах и оттого имеющую свой сибирский отпечаток: со своим оригинальным свободным взглядом на мир Божий вообще – и свой независимый характер, безо всякой печати крепостного права, хотя в то же время к „предержавшим властям“ почтительную, скромную, но носящую в себе свое достоинство» [Гончаров, 1998, с. 57].

В ранних редакциях книги очерков был еще один замечательный фрагмент, точно характеризующий **сибиряка** в понимании писателя: «Увидите вы потом скачущего на бешеной тройке, запрятавшегося в повозку, зарывшегося в меха человека – и все: лошади, повозка, человек и кучер его, и усы, и борода, и брови у

обоих – все оковано льдом и засыпано снежным пухом; услышите, что он мчит-ся за несколько сот верст к приятелю на именинный пирог или за четыре тысячи верст перемолвить о деле; взгляните на его дорожный провиант – чуть не камни: ши в кусках, мерзлая, сырая, наструганная, как щепки рыба; узнаете, что он никогда не бывал в больших городах, не знает наших театров, раутов, пуще всего тесноты, что он не переступал за Уральский хребет, но увидите, однако ж, у него на столе живые ананасы и апельсины, он пьет шампанское как квас, небрежно сыпет груды золота, которые находит у себя под ногами, на своем золотом дне, и сыплет часто на помощь своим же братьям, сибирякам, да на благосостояние своей же любимой Сибири, иногда брызги металла летят дальше, перескакивают за Урал. Это опять сибиряк. Увидите в лесу косматого, неуклюжего обитателя, гонящегося за оленем, – оленя, отрывающего из-под глубокого снега мох, скачущего по горам дикого козла, прыгающих по деревьям соболей, белок – это все сибиряки и сибирячки» [Гончаров, 1998, с. 316–317]. Гончаров пока не дифференцирует особенно сибиряков по гендерному признаку, гораздо позже, в произведениях писателей-сибиряков, смысловой акцент будет перенесен на особую породу женщины-сибирячки [Шевчугова, 2018, с. 33].

На страницах «сибирских глав» появляется и **герой-подвижник**, который вызывает искреннее уважение повествователя. Даже не герой, а персонаж, не претендующий на героизм или признание своих заслуг: «На Мае есть, между прочим, отставной матрос Сорокин: он явился туда, нанял тунгусов и засеял четыре десятины, на которые истратил по 45 руб. на каждую, не зная, выйдет ли что-нибудь из этого. Труд его не пропал: он воротил деньги с барышом, и тунгусы на следующее лето явились к нему опять. Двор его полон скота, завидно смотреть, какого крупного. Мы с уважением и страхом сторонились от одного быка, который бы занял не последнее место на какой-нибудь английской хозяйственной выставке. Сорокин живет полным домом; он подал к обеду нам славной говядины, дичи, сливок. Теперь он жертвует всю свою землю церкви и переселяется опять в другое место, где, может быть, сделает то же самое. Это тоже герой в своем роде, маленький титан. А сколько их явится вслед за ним! и имя этим героям – легион: здешнему потомству некого будет благословить со временем за эти робкие, но великие начинания. Останутся имена вождей этого дела в народной памяти – и то хорошо. Никто о Сорокине не кричит, хотя все его знают далеко кругом и все находят, что он делает только „как надо“. На стенах у него висят в рамках похвальные листы, данные ему от начальников здешнего края» [Гончаров, 1997, с. 683].

Исследовательница Е.А. Краснощекова справедливо замечает, что в пробуждение Сибири вовлечены все слои общества: крестьяне-переселенцы, торговцы, чиновники, миссионеры, большинство из которых – энтузиасты, наделенные христианскими добродетелями [Краснощекова, 1997, с. 213]. Гончаров обращает внимание на сибирское **чиновничество**: «Сколько трудов, терпения, внимания – на таких пространствах, куда никто почти не ездит, где никто почти не живет! Если б видели наши столичные чиновные львы, как здешние служащие

(и сам генерал-губернатор) скачут по этим пространствам, они бы покраснели за свои так называемые неусыпные труды...» [Гончаров, 1997, с. 660]. Через 30 лет в очерке-воспоминании «По Восточной Сибири» суждение писателя остается тем же: «...глухой край, требующий энергии, силы воли, железного характера, вечной бодрости, крепости, свежести лет и здоровья» [Гончаров, 1998, с. 59].

С благодарностью пишет Гончаров об одном из чиновников: «И то сколько раз из глубины души скажет спасибо заботливому начальству здешнего края всякий, кого судьба бросит на эту пустынную дорогу, за то, что уже сделано и что делается понемногу, исподволь, – за безопасность, за возможность, хотя и с трудом, добраться сквозь эти, при малейшей небрежности непроходимые, места! В одном месте, в палатке, среди болот, живет инженерный офицер; я застал толпу якутов, которые расчищали землю, ровняли дороги, строили мост. В Алданском селении мы застали исправника К.П. Атласова: он немного встревожился, увидя, что нам трое, с четырьмя людьми при нас и для выюков, нужно до восемнадцати лошадей. „Я не знал, что вы будете, – сказал он, – теперь, может быть, по станциям уже распустили лишних лошадей. Надо послать нарочного вперед“. Мы остались тут ночевать; утром, чем свет, лошади были готовы. Мы пошли поблагодарить исправника, но его уже не было. „Где ж он?“ – спрашиваем. „Да уехал вперед похлопотать о лошадях, – говорят нам, – на нарочного не понадеялся“. На третьей станции мы встретили его на самой дурной части дороги. „Все готово, – сказал он, – везде будут лошади“, – и, не отдохнув получаса, едва выслушав изъявления нашей благодарности, он вскочил на лошадь и ринулся в лес, по кочкам, по трясине, через пни, так что сучья затрещали» [Гончаров, 1997, с. 682]. Разумеется, не все идеально в сибирском краю. Повествователь с удовольствием рассказывает анекдот, приключившийся с ним, когда он пытался добиться у ямщиков очередной смены лошадей, получая в ответ мало вразумительные объяснения «нет и не знаем, когда будут»: «Я прожил полторы сутки, наконец созвал ямщиков, и Шеина тоже, и стал записывать имена их в книжку. Они так перепугались, а чего – и сами не знали, что сейчас же привели лошадей» [Гончаров, 1997, с. 706].

Выделяет повествователь два типа чиновников: неизменное восхищение вызывает у него деятельный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, а гражданский губернатор П.П. Игорев (по указанию Гончарова, имя вымышленное) представляет другой тип: «И вдруг такому деятелю, в своем роде титану, как Муравьев, дали в помощники чиновника, дельца, редактора докладов, донесений и отношений! „Да ведь вы не на своем месте!“ – хотелось мне сказать после первых свиданий и разговоров с губернатором. У меня еще так свеж был в памяти образ настоящего пионера-бойца с природой, с людьми на месте – с инородцами, разными тунгусами, орочами, соседними с Сибирью китайцами, чтоб отвоевать от них Амур, <...> он одолевал природу, оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни» [Гончаров, 1998, с. 60]. Конечно, не всех чиновников поголовно может назвать повествователь подвижниками: «Если медведи в Сибири, по словам Сперанского, добрее

зауральских, зато чиновники сибирские исправляли их должность и отличались нередко свирепостью» [Гончаров, 1998, с. 59]. Но в целом вывод, к которому приводит читателя автор, складывающийся из мозаики персонажей «сибирских глав», множества человеческих лиц самых разных сословий, состояний, видов деятельности, даже национальностей, сформулирован еще в первых редакциях: «Но кто бы ожидал, что в их скромной и, по-видимому, неподвижной жизни было не меньше движения и трудов, нежели во всяких путешествиях? Я узнал, что жизнь их не неподвижная, не сонная, что она нисколько не похожа на обыкновенную провинциальную жизнь; что в сумме здешней деятельности таится масса подвигов, о которых громко кричали и печатали бы в других местах, а у нас, из скромности, молчат» [Гончаров, 1997, с. 684–685].

Наконец, особым образом подсвечена в «сибирских главах» и **фигура** самого **повествователя**: здесь в основном обнаруживается характерное для всей книги желание оправдать собственное присутствие на страницах текста. Приведем замечание из <Предисловия автора к третьему изданию «Фрегата „Паллада“> 1879 года: «Утверждают, что присутствие живой личности вносит много жизни в описания путешествий: может быть, это правда, но автор, в настоящем случае, не может присвоить себе ни этой цели, ни этой заслуги. Он, без намерения и также по необходимости, вводит себя в описания, и избежать этого для него было трудно. Эпистолярная форма была принята им не как наиболее удобная для путевых очерков: письма действительно писались и посылались с разных пунктов к тем или другим друзьям, как это было условлено между ними и им. А друзья интересовались не только путешествием, но и судьбою самого путешественника и его положением в новом быту. Вот причина его неотлучного присутствия в описаниях» [Гончаров, 1998, с. 82]. Кроме того, от издания к изданию в ходе авторской корректуры происходят сокращение, эмоциональное сглаживание текста, самоустранение повествователя [Пинженина, 2011, гл. 1, § 2]. При этом Гончаров верен себе, говоря о последних неделях путешествия, он признается: «Мне хотелось скорей в Европу, за Уральский хребет, где... у меня ничего не было. Брат мой был женат, сестры были замужем, одна из них вдова. Все они были заняты своими интересами. В Петербурге тоже я был один, свободен, как ветер» [Гончаров, 1998, с. 78–79].

В.А. Туниманов в Примечаниях к Полному собранию сочинений и писем И.А. Гончарова делает вывод, с которым трудно не согласиться: писатель «открыл русскому читателю Сибирь, и, возможно, это самое значительное открытие во „Фрегате...“» [Гончаров, 1998, с. 521]. Исследователи отмечают, что образ Сибири у Гончарова получился во многом идеализированным и объясняют это авторской концепцией изображения: намеренным избеганием драматических эпизодов, описания конфликтов, противоречий⁶, – концепцией, которая действовала на протяжении всей книги очерков. О важности «сибирских глав» «Фрегата...»

⁶ С.Н. Гуськов в статье «Жители Луны (комментируя «Фрегат „Палладу“»)» называет это характерной для Гончарова апологией обыкновенного [Sub..., 2008, с. 550].

говорит и тот факт, что в черновиках ключевого романа писателя «Обломов» основная деятельность Штольца первоначально была направлена именно на преобразование и благо Сибири [Краснощекова, 1997, с. 217].

На страницах «сибирских глав» книги очерков складывается особенный гончаровский образ Сибири. С одной стороны, этот образ коррелирует с традиционным для русской литературы сибирским хронотопом: страна холода, зимы, ночи [Тюпа, 2002, с. 28]; место отдаленное, характеризующееся этнической инаковостью [Анисимов, 2010, с. 68]. С другой стороны, Гончаров подчеркивает другие черты сибирского края, принципиально важные для себя: здесь смешано свое и чужое, дикое и привнесенное русскими, Сибирь своеобразна, имеет особую физиономию, почти неограниченный потенциал развития, это край огромных, немыслимых для европейца просторов, суровой природы и часто трудной для возделывания земли, и в то же время место, где живут необыкновенные люди – сибиряки, сильные, свободные, способные на титанический труд. Не подлежит сомнению вера писателя в большое будущее Сибирского края.

В XX веке традиции классической литературы, в том числе Гончарова, в изображении сибирского топоса продолжают свое развитие в творчестве В. Астафьева, В. Распутина, А. Варламова, А. Тарковского и др., но это будет происходить уже не с точки зрения временного наблюдателя, путешественника, а изнутри, в размышлениях человека, Сибирью рожденного, вскормленного сибирской природой и культурой, следовательно, менее отстраненно и более глубоко описывающего свою малую родину [Ковтун, 2015, с. 153–190].

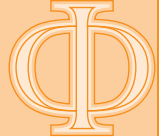
Библиографический список

1. Анисимов К.В. Сибирский текст в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: кол. монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск, 2010. С. 63–69.
2. Васильева С.А. Философия истории в книге И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
3. Вильчинский В.П. Морские путешествия. Гончаров. Григорович // Вильчинский В.П. Русские писатели-маринисты. М.; Л., 1966. С. 70–111.
4. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1997. Т. 2; 1998. Т. 3.
5. Гуськов С.Н. Любимое дитя Гончарова: Книга очерков «Фрегат „Паллада“» // Литература в школе. 2003. № 5. С. 9–14.
6. Дановский А.В. Пушкинские поэтизмы в эпопее И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Русская речь. 2004а. № 3. С. 11–16.
7. Дановский А.В. «Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова – очерковая эпопея путешествия // Литературная учеба. 2004б. № 5. С. 95–104.
8. Ковтун Н.В. «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2015.
9. Краснощекова Е.А. Национальная ментальность, прогресс и религия («Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова) // Русская литература. 1993. № 4. С. 66–79.
10. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997.

11. Краснощекова Е.А. «Фрегат „Паллада“»: путешествие как жанр (Н.М. Карамзин и И.А. Гончаров) // Русская литература. 1992. № 4. С. 12–31.
12. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом / публ. Т.Д. Кузовкиной // Знамя. 1997. № 9. С. 157–162.
13. Максимов В.В. «Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова (Герой и жанр): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990.
14. Мельник В.И. Новое о путешествии И.А. Гончарова на фрегате «Паллада» // Глобус. 1984. № 8. С. 308–314.
15. Мельник В.И. Гончаров. М., 2012.
16. Недзвецкий В.А. «Фрегат „Паллада“» И.А. Гончарова: загадка жанра // Известия АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 2. С. 43–55.
17. Орнатская Т.И. История создания «Фрегата „Паллада“» // Гончаров И. А. «Фрегат „Паллада“». Очерки путешествий: в 2 т. Л., 1986. С. 763–787. (Литературные памятники).
18. Пинженина Е.И. Автор и герой в романной трилогии И.А. Гончарова (структура текста и типология характеров): дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011.
19. Покатилова Н.В. «Фрегат „Паллада“» в творческой эволюции И.А. Гончарова 1840–1850-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.
20. Туниманов В.А. Примечания // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1998. Т. 3.
21. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
22. Фрадкин Н.Г. Фрегат «Паллада» // Фрадкин Н.Г. Необыкновенные путешествия. М., 1978. С. 78–85.
23. Чичкина Л.Г. Пространство как способ выражения авторской позиции в путевых очерках И.А. Гончарова «Фрегата „Паллада“» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Естественные и гуманитарные науки. 2007. № 2(48). С. 104–108.
24. Шкловский В.Б. И.А. Гончаров как автор «Фрегата „Паллада“» // Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955. С. 223–245.
25. Шевчугова Е. И. Архетип бабушки в произведениях И.А. Гончарова, М. Горького и В.П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация // Сибирский филологический форум. 2018. № 4. С. 31–36.
26. Энгельгардт Б.М. «Фрегат „Паллада“» // Энгельгардт Б.М. Избранные труды. СПб., 1995. С. 225–269.
27. Sub specie tolerantiae. Памяти В.А. Туниманова. СПб., 2008.

Сведения об авторе

Шевчугова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-6-2-05>

SIBERIAN TEXT BY I.A. GONCHAROV (BASED ON THE BOOK “FRIGATE “PALLADA”)

E.I. Shevchugova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article describes “Siberian Chapters” of I.A. Goncharov’s journey-notes, insufficiently studied by specialists. The goal of the article is to reconstruct the image of Siberia as it was seen by Goncharov.

Results of the research. The writer made ethnographic sketches, focused on the linguistic features of the Siberians, created his own image of Siberia, emphasising the quality of territorial originality, huge spaces and vastness as well as severity of the climate, great potential for the development of the region. He created a vivid image of the Siberian devotee. The chapters of the “Frigate “Pallada” are, on the one hand, in the tradition of depicting the image of Siberia by Russian writers and, on the other, demonstrate the things stressed only by Goncharov.

Keywords: *I.A. Goncharov, “Frigate “Pallada”, Siberian text, Yakutsk, Irkutsk, image of Siberia, climate, image of Siberian, asceticism, tradition.*

Bibliograficheskij spisok

1. Anisimov K.V. Sibirskij tekst v «Brat'jah Karamazovyh» F.M. Dostoevskogo // Sibirskij tekst v nacional'nom sjuzhetnom prostranstve: kol. monografija / otv. red. K.V. Anisimov. Krasnojarsk, 2010. S. 63–69.
2. Vasil'eva S.A. Filosofija istorii v knige I. A. Goncharova «Fregat „Pallada“»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 1998.
3. Vil'chinskij V.P. Morskie puteshestvija. Goncharov. Grigorovich // Vil'chinskij V. P. Russkie pisateli-marinisty. M.; L., 1966. S. 70–111.
4. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. SPb., 1997. Vol. 2; 1998. Vol. 3.
5. Gus'kov S.N. Ljubimoe ditja Goncharova: Kniga ocherkov «Fregat „Pallada“» // Literatura v shkole. 2003. № 5. S. 9–14.
6. Danovskij A.V. Pushkinskie pojetizmy v jepopee I. A. Goncharova «Fregat „Pallada“» // Russkaja rech'. 2004a. № 3. S. 11–16.
7. Danovskij A.V. «Fregat „Pallada“» I.A. Goncharova – ocherkovaja jepopeja puteshestvija // Literaturnaja uchjoba. 2004b. № 5. S. 95–104.
8. Kovtun N.V. «Belovodskij metatekst» v sovremennoj ruskoj proze (k postanovke problemy) // Sibirskaja identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: Tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov / otv. red. N.V. Kovtun. M.: Flinta: Nauka, 2015.
9. Krasnoshhjokova E.A. Nacional'naja mental'nost', progress i religija («Fregat „Pallada“» I.A. Goncharova) // Russkaja literatura. 1993. № 4. S. 66–79.
10. Krasnoshhjokova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997.
11. Krasnoshhjokova E.A. «Fregat „Pallada“»: puteshestvie kak zhanr (N.M. Karamzin i I.A. Goncharov) // Russkaja literatura. 1992. № 4. S. 12–31.
12. Lotman Ju.M. Sovremennost' mezhdju Vostokom i Zapadom / publ. T.D. Kuzovkinoj // Znamja. 1997. № 9. S. 157–162.
13. Maksimov V.V. «Fregat „Pallada“» I. A. Goncharova (Geroj i zhanr): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1990.

14. Mel'nik V.I. Novoe o puteshestvii I. A. Goncharova na fregate «Pallada» // Globus. 1984. № 8. S. 308–314.
15. Mel'nik V.I. Goncharov. M., 2012.
16. Nedzveckij V.A. «Fregat „Pallada“» I.A. Goncharova: zagadka zhanra // Izvestija AN. Serija literatury i jazyka. 1993. T. 52, № 2. S. 43–55.
17. Ornatskaja T.I. Istorija sozdanija «Fregata „Pallada“» // Goncharov I.A. «Fregat „Pallada“». Oчерki puteshestvij: V 2 t. L., 1986. S. 763–787. (Literaturnye pamjatniki).
18. Pinzhenina E.I. Avtor i geroj v romanoj trilogii I. A. Goncharova (struktura teksta i tipologija harakterov): dis. ... kand. filol. nauk. Krasnojarsk, 2011.
19. Pokatilova N.V. «Fregat „Pallada“» v tvorcheskoj jevoljucii I. A. Goncharova 1840-1850-h godov: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. L., 1989.
20. 22. Tunimanov V.A. Primechanija // Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. SPb., 1998. T. 3.
21. Tjupa V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2002. № 1. S. 27–35.
22. Fradkin N.G. Fregat «Pallada» // Fradkin N.G. Neobyknovennye puteshestvija. M., 1978. S. 78–85.
23. Chichkina L.G. Prostranstvo kak sposob vyrazhenija avtorskoj pozicii v putevyh oчерkah I.A. Goncharova «Fregata „Pallada“» // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Estestvennye i gumanitarnye nauki. 2007. № 2(48). S. 104–108.
24. Shklovskij V.B. I.A. Goncharov kak avtor «Fregata „Pallada“» // Shklovskij V.B. Zametki o proze russkikh klassikov. M., 1955. S. 223–245.
25. Shevchugova E. I. Arhetip babushki v proizvedenijah I. A. Goncharova, M. Gor'kogo i V.P. Astaf'eva: tradicii i avtorskaja interpretacija // Sibirskij filologicheskij forum. 2018. № 4. S. 31–36.
26. Jengel'gardt B.M. «Fregat „Pallada“» // Jengel'gardt B.M. Izbrannye trudy. SPb., 1995. S. 225–269.
27. Sub specie tolerantiae. Pamjati V. A. Tunimanova. SPb., 2008.

About the author

Shevchugova Ekaterina Igorevna – Candidate of Philology, associate professor of the Department of the Russian Language, Literature and Speech Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University; e-mail: e.pinzhenina@gmail.com